

ЗНАМЕНИТЫЕ ДИСКУССИИ

Интервью с профессором кафедры логики

Евгением Казимировичем Войшвилло провел С.Н. Корсаков в 1992 г.

С.К. Евгений Казимирович! Расскажите, пожалуйста, о знаменитых дискуссиях между «формальными» и «диалектическими» логиками, которые велись на кафедре логики философского факультета МГУ в 1950-е — начале 1960-х годов, когда кафедрой руководили В.И. Черкесов и М.Н. Алексеев?

Е.В. На кафедре постоянно шла теоретическая борьба по вопросу о том, что представляет собой наша наука. Особенно тогда стоял вопрос о соотношении формальной логики и диалектической. Отрицательная линия была: многие ведущие философы выдвигали такую концепцию, что формальная логика — это логика домашнего обихода, это низшая ступень логики, и она преодолевается диалектической логикой. Диалектическая логика — это высшая математика логики. Формальная логика имеет дело с неподвижными вещами, с неизменными вещами, с неизменными ситуациями, поэтому она теоретической, научной значимости не имеет. Но вроде бы на кафедре большая часть, пожалуй, за исключением одного-двух человек, все остальные члены кафедры — очень решительно против этого выступали. Вопрос еще вот такой практический возникал в связи с этим теоретическим: чему мы должны учить студентов, что читать?

Известно, что до половины прошлого столетия была так называемая традиционная логика. Начиная с IV—III веков до н.э. и до 1850-х годов в основном в логике господствовали традиционная проблематика и соответствующие методы исследования. С половины XIX столетия появилась символическая логика. С появлением символической логики произошел сильный прорыв в этой науке: появились очень мощные методы исследования, точные методы. Сначала математические понятия привлекались для исследования логических отношений связи форм. А потом логика, начиная с третьей четверти XIX столетия, с Фреге начиная, стала создавать собственные методы — формализованные языки специальные, которые были средством точного анализа тех закономерностей, которые являются предметом логики. И все традиционные результаты потребовали серьезного пересмотра с точки зрения символической логики и ее результатов.

Некоторая часть на кафедре считала, что формальная логика — именно традиционная логика, и наоборот, традиционная логика именно формальная логика, и, собственно, развитию она не подлежит, результатом развития ее

является диалектическая логика. Что касается символической, то наш заведующий кафедрой, который до Алексева был, Черкесов Виталий Иванович, заявлял, что символическая логика (ее еще называют математической) — это не логика, и даже не логика математики, а это просто математика, и поэтому к нам это отношения не имеет, этим заниматься мы не должны. По этим вопросам споры были очень бурные, довольно систематичные, часто даже эмоциональными они становились, потому что, в конце концов, тогда существовал дух идеологизации, определенных установок в области теории. Ну и с легкой руки (или с тяжелой руки) некоторых наших ведущих академиков-философов все время укоренялась эта точка зрения насчет формальной логики как низшей, никчемной, по существу, науке.

Ну и вот когда М.Н. Алексеев пришел заведовать кафедрой (я сейчас точно не помню год, это около 1960 года: в 1959-м, или 1960-м, или 1961-м), Черкесова освободили, потому что как-то вот с кафедрой но не мог управиться, его взгляды не сочетались со взглядами большинства членов кафедры, не согласовались — его освободили. Ну а вот с Алексеевым — он, собственно, продолжал ту же самую линию, и все время возникал вопрос (тогда уже студенты включились в эти дискуссии) — сами студенты стали ставить вопрос перед ректором (сначала перед деканом — декан Молодцов у нас был тогда, он как-то на это не реагировал; Алексева он назначил, и на него возлагал надежды, видимо, и доверял ему больше): поскольку на факультете студенты не могли добиться, то перед ректором. Они ставили вопрос именно такой: изменить программу, учебные планы подготовки по логике, изучать современную логику, читать курсы по разделам современной логики. Тем более что современная (символическая) логика, несмотря на недлительное существование, получила очень бурное развитие. Возникло много различных направлений, разделов, так что традиционная логика по сравнению с этим очень широким кругом знаний имела очень незначительный удельный вес. Студенты такое требование выдвигали, но нам не удавалось этого достичь, и в конце концов дело дошло до того, что ректор внял, прислушался к мнениям и студентов и преподавателей, понял, что так дальше неправильно продолжать — заниматься только вот этой во многом устаревшей частью логики. Тогда Алексева просто освободили от заведования кафедрой.

К сожалению, часто теоретические споры принимали эмоциональную окраску, даже совершались такие действия, что часто страдали люди — те, кто отстаивал не ту точку зрения, которую проводил заведующий кафедрой. Так что с М.Н. Алексеевым как-то не сложились хорошие отношения не только у меня, но и у членов кафедры.

В.И. Черкесов — очень своеобразный человек. Он держался определенных взглядов (о которых я говорил) на логику, различая формальную и диа-

лектическую логику, считая, что настоящей наукой является диалектическая, формальная — это низшая ступень и т.д. Несмотря на то что заведовал кафедрой логики, считал эту науку низшей ступенью, наукой домашнего обихода, которая имеет значение только где-то в домашнем обиходе. Это нас удивляло. Но с другой стороны, он человеком был очень искренним, довольно прямолинейным, свои взгляды он с большим упорством отстаивал все время, никогда не кривил душой в науке. Он был просто убежден, что дело обстоит именно так, хотя с ним не согласно было большинство логиков. Свернуть его с его позиции, вынудить изменить свои взгляды было просто невозможно. Он симпатию вызывал тем, что это не просто приспособленчество к ситуации (многие приспособлялись к ситуации, поскольку это была официальная точка зрения, поэтому выгодно было придерживаться ее; легче проторить себе дорогу куда-то, придерживаясь официальных взглядов). А он был искренне убежденным в том, что дело обстоит именно так.

С другой стороны, все-таки напряженная обстановка была на кафедре. Он сам был очень эмоциональным человеком, и поэтому часто эти наши споры действительно принимали остроэмоциональный, конфликтный характер — споры по теоретическим вопросам. Иногда это отражалось на положении людей (как в случае с А.С. Ахмановым: насколько нам известно, Черкесов, как заведующий кафедрой, добился того, чтобы Ахманова уволили с факультета, потому что он, пожалуй, был наиболее непримиримым по отношению к этой концепции).

Эту концепцию поддерживали академики Митин, Кедров. Особенно, мне кажется, Кедров сыграл роль в том, чтобы утвердить такую концепцию. Была история такая. Где-то в начале 1950-х годов был создан коллектив для написания учебника по логике — по инициативе, видимо, ЦК, потому что организовано все было, специально выделили место — дали путевки в один из подмосковных санаториев, выделено там место для работы. Мы там писали этот учебник по логике. Мы его закончили уже, сдали, он готов был для печати. Я не помню, какую должность занимал тогда Кедров. Это был, кажется, 1957 год уже. В 1956 году мы этот учебник подготовили, хотели сдавать в печать. Кедров прочитал этот учебник и наложил вето на него, заявил, что эта точка зрения неправильная, немарксистская, поскольку формальная логика наряду с диалектической ставится как полноценная наука, вполне значимая в научном отношении. Он запротестовал против того, чтобы этот учебник пускать в работу. Ну и, к сожалению, в нашем авторском коллективе нашлось несколько человек, которые согласились изменить концепцию учебника. Написали вводную главу в духе противопоставления формальной логики и диалектики, изъяли некоторые главы. Я из коллектива тогда вышел. Учебник вы-

шел в 1956 году в Госполитиздате под редакцией Горского и Таванца. Название этого учебника — «Логика». Кедров, грубо говоря, зарубил ту нашу работу: света она не увидела. Это была официальная точка зрения. Я не помню, какую должность занимал Кедров, но какую-то административную должность, в силу которой он мог оказать такое влияние, решающее в этом вопросе. Ну и поскольку они были сотрудниками Института философии, Горский и Таванец, видимо, это тоже повлияло.

С.К. Очень интересно Ваше мнение о коллегах. Как они проявили себя в ипостасях ученого, преподавателя, человека. Расскажите, пожалуйста, об А.С. Ахманове.

Е.В. Ахманов Александр Сергеевич, он был у нас на кафедре, собственно, во время Черкесова в основном. До прихода Черкесова был П.С. Попов заведующим кафедрой, но Попова быстро освободили в силу того, что его взгляды не совпадали с официальными взглядами насчет формальной логики — с пренебрежительным отношением к формальной логике. Он как заведующий кафедрой не устраивал руководство того времени — руководство, я не знаю конкретно, отдела науки ЦК (видимо, оттуда шли все распоряжения). Он был освобожден от заведования, был назначен Черкесов.

Я пришел, когда уже был Черкесов на кафедре. И Ахманова знал в той обстановке, которая была в то время, когда Черкесов заведовал на кафедре. Ахманов очень принципиальным в научном отношении человеком был, решительно выступал против принижения логики, против противопоставления формальной логики диалектике, ратовал за то, чтобы давать заниматься наукой, а не какими-то там дисциплинами, пригодными в домашнем обиходе. Он был очень сильным в истории логики и на кафедре выступал с докладами различного рода: относительно взглядов Аристотеля по различным вопросам логики, ну и по различным проблемам... Много он именно с Аристотелем связывал в своей деятельности. Ну и по проблемам, возникающим в настоящее время. Человек принципиальный, и поэтому с заведующим кафедрой он очень не ладил, и в конце концов он был с кафедры уволен через некоторое время. О нем у меня очень хорошее осталось впечатление как о человеке очень честном, принципиальном, иногда, может быть, даже прямолинейном, но о человеке весьма благородном, который никогда не пойдет против своих убеждений. Ну и как товарищ очень хороший; вся часть логиков, которая держалась тех взглядов, о которых я говорил, была дружной.

Ахманов многими вопросами занимался. Сейчас, например, в современной логике обсуждается проблема статуса высказываний о случайных будущих событиях. Это связано с проблемой фатализма, Аристотелем еще поставленной. Очень сложная оказалась проблема, затрагивающая много логических аспек-

тов. Он тогда выступал по этой проблеме. Сейчас признано, что его подход к решению проблемы — это один из наиболее убедительных подходов.

Как лектор был очень квалифицированным педагогом. Как лектора его я тоже бы поставил очень высоко, лекции его ценны именно тем, что он скрупулезно анализировать любил материал, не допускал голословных, необоснованных утверждений, увлекал слушателей самой логикой изложения, самым анализом материала, постановкой проблем, вызывал у людей постоянный интерес к тому материалу, который он слушателю преподносил.

С.К. А как проявил себя П.С. Попов в качестве заведующего кафедрой?

Е.В. Я уже упоминал, что он был первоначально заведующим кафедрой, которая организовалась на нашем факультете. Она организовалась после того, как было постановление ЦК и правительства о введении преподавания логики. Это после 1946 года, году в 1947-м она организовалась (может, в конце 1946 года). Далее он работал в Академии общественных наук на кафедре логики и психологии, профессором кафедры был. Он был моим научным руководителем. К сожалению, драмой многих логиков старого поколения было то, что они целиком были традиционниками: они знали традиционную логику, им трудно было, конечно, радикально изменить свои склонности, род занятий, перейти к освоению новой, символической логики. Он был тоже, как и Ахманов, как и многие другие члены нашей кафедры, традиционником — знал только традиционную логику. Павел Сергеевич был очень эрудированным человеком, историей логики он очень фундаментально занимался, знал хорошо историю логики, много по истории логики у него собственных идей, подходов к оценкам взглядов различного рода. Он писал курс истории логики Нового времени, потом со Стяжкиным они описали историю логики от Аристотеля до наших дней. Основные его работы — они по истории логики в основном. Он был моим руководителем, конечно, он мне оказывал большую помощь в написании диссертации, в изучении литературы, особенно иностранной. Он все время ориентировал меня на то, чтобы современные взгляды учесть, особенно философского характера. Было такое направление — логика отношений; путают ее часто: есть раздел в логике — логика отношений — это конкретная область в логике. А было такое философское направление, которое характеризовали иногда как релятивистское направление. По-моему, оно действительно было заслуживающим критики с философской точки зрения. Я диссертацию по этой теме писал, и большую помощь всегда со стороны Попова при написании диссертации получал. Попов — у него была такая особенность: он как-то очень умел подхватить все новое, что возникло, — новые идеи, очень радовался успеху своих аспирантов, старался, если у кого-то из аспирантов

появились какие-то новые результаты или соображения по тем или иным вопросам, пропагандировать это. С Институтом философии у нас была связь. Он организовывал там наши доклады (своих аспирантов) — в Институте философии. Это у него была весьма привлекательная черта — доброжелательность, доброжелательное отношение к людям. К сожалению, он рано умер, в 1964 году в возрасте 72 лет. Так что работать с ним много мне не удалось. Он очень эрудированный человек вообще был: он занимался не только логикой, но и филологией, интересовался проблемами, которые на стыке лингвистики, логики, связь логики и языка; проблемы языкознания и логики — такими вопросами занимался. На кафедре он пользовался авторитетом очень большим.

Попов замечательный был лектор, хотя бы в том отношении, что он был очень эрудированным; лекции свои он сопровождал тем, что приводил всякие факты — неизвестные в литературе из истории логики, различного рода эпизоды, связанные с логикой жизненные ситуации. Его лекции очень все слушали всегда с большим интересом, как лектор он очень высоко ценился.

С.К. А что Вы можете сказать о его соавторе по «Истории логики» Н.И. Стяжкине?

Е.В. Стяжкин очень своеобразным человеком был, трудно вписывался в коллектив, хотя человек очень добрый, мягкий, уживчивый с людьми. Но у нас на кафедре он работал очень недолго, потому что он как лектор, преподаватель... как-то у него не шло преподавательское дело. Часто нарекания были со стороны педагогической у него. Как специалист по истории логики он ценился весьма высоко. Совместно с Поповым писали они книгу, самостоятельно у него по истории логики работы есть. Он тоже погиб в молодом довольно возрасте еще — попал под машину, и это оказалось трагическим.

С.К. Расскажите, пожалуйста, о работе Асмуса на кафедре логики.

Е.В. Я знал его как логика, во-первых, во время своей учебы в аспирантуре Академии общественных наук. Лекции нам организовывали некоторые, и в частности Асмус читал лекции по логике. Потом здесь на факультете, когда я пришел сюда работать, и Асмус работал (на кафедре зарубежной философии, по-моему, он тогда работал). С ним часто были контакты, поскольку он, будучи специалистом по логике, принимал участие иногда и в наших дискуссиях, спорах, поэтому были у нас с ним определенные научные контакты. Кроме того, он написал учебник по логике (это было в 1948 году, по-моему, в 1947—1948 годах). Я писал рецензию на этот его учебник — в «Вопросах философии» опубликовали тогда эту рецензию. По тем временам, если иметь в виду традиционную логику, то учебник вполне положительно тогда оценивали, много у него своих оригинальных, новых подходов, хотя не со всем можно было согласиться, но, во всяком случае, это была творчески написанная книга,

нестандартная и, по крайней мере, давала стимул для многих размышлений. Потом, когда у нас освободили от заведования Алексеева на кафедре, мы все обращались к Валентину Фердинандовичу Асмусу с просьбой пойти к нам на кафедру в качестве заведующего: человек он широко образованный, знал, конечно, историю философии досконально, ну и в логике, как я говорил, был специалистом высокого уровня. Как человек он всегда привлекал своей добротой, дружелюбным отношением ко всем окружающим, мягкостью характера. Все качества, мы считали, у него есть для того, чтобы, действительно, работать с ним, под его руководством на кафедре. Он согласился. Около года работа шла нормально, потом он решил уйти все-таки с этого поста.

С.К. Почему?

Е.В. Мы много с ним разговаривали, пытались выяснить, почему же он так не хочет, просили его не делать этого, не уходить. Ну, насколько я понял, дело тут было в том, что он не чувствовал себя достаточно подготовленным в логике, учитывая то, что начали переходить к символической логике. Символической логикой он не занимался и, видимо, решил, что переквалифицироваться радикальным образом, менять свое образование в этой области уже трудно, тем более он философией занимался — основная его работа была в области истории философии все-таки, и она его больше, видимо, эта область, привлекала. Я вот так понимал, и все мы так, в конце концов, все это поняли, почему он не согласился дальше продолжать заведовать нашей кафедрой.

Как лектор он очень популярным был человеком, его лекции привлекали очень многих людей, посещали их не только те, кто обязан был слушать. И вспоминают всегда его лекции с большой теплотой и с восхищением оценивают их. Так что лектор замечательный он был.

Об Асмусе общее мнение как о человеке, об ученом самое высокое, действительно. И как человек он высокого нравственного уровня, и по характеру своему человек, с которым всегда можно контактировать легко. Ну и как ученый — о нем не может быть другого мнения, кроме того, что это высокого ранга был ученый.

С.К. А чем Вам запомнился период, когда кафедрой заведовал А.А. Зиновьев?

Е.В. Зиновьев заведующим кафедрой был тоже одно время. Когда Асмус ушел, тогда — в каком порядке? — одно время Нарский был, кажется, с год, и потом Зиновьев — тоже около года или полтора был заведующим кафедрой. Поэтому у меня с ним были, конечно, по совместной работе контакты значительные, теоретические. Что о нем нужно сказать... Он был, конечно, оригинальный очень человек, человек очень способный, многогранный таких способностей. Он и как художник себя проявил, как поэт, как писатель, как

логик. В логике у него было много интересных идей. Мне кажется, ему мешало большое честолюбие. У него как-то сразу, когда был заведующим кафедрой, возникла вождистская какая-то идея. Он собрал однажды нас, всех логиков, и выступил в таком духе: то, чем занимаются всякие западные ученые, логики современные, — все это вообще чепуха. Заслуживают научного внимания его логические идеи. Поэтому он предлагает объединиться всем вокруг его идей и работать под его руководством. Ну и, конечно, какой-то кружок сложился вокруг него, ядро. Но многие не захотели работать в таком вот духе. Вот это честолюбие порождало часто пренебрежительное отношение к имеющимся результатам. Проявлялось это в том, что он иногда просто серьезные теоретические ошибки делал в своей работе, то ли не зная каких-то результатов, то ли относясь к ним не очень серьезно. Были вот такие вещи... Есть, например, такая уже без всякого сомнения правильная теорема, вполне доказанная, — теорема о неразрешимости исчисления предикатов классической логики (теорема Чёрча). Он вдруг строит систему и объявляет, что он опроверг эту теорему...

С.К. Известно, что большое влияние на становление кафедры логики в ее современном виде оказали С.А. Яновская и А.А. Марков, которые на философском факультете формально не работали. Как было организовано это сотрудничество логиков МГУ?

Е.В. Начиная с 1962—1963 годов все больше и больше у нас появилось людей на факультете — и преподавателей-логиков и студентов, которые начали самостоятельно изучать символическую логику и в той или иной форме, в том или ином объеме уже начали преподавать эти курсы. И в этом отношении во внедрении современной логики в учебный план, в программы нашего факультета большую роль сыграла Софья Александровна Яновская. Она, с одной стороны, большую роль оказывала в подготовке кадров. Она работала сама на кафедре математической логики механико-математического факультета; организовывала там у себя семинары, лекционные курсы, которые посещали многие логики-философы. Ну и вот так учились, осваивали основные разделы современной логики. Среди посещавших ее лекции, семинары и я был. Я систематически старался все это слушать везде, где это было возможно.

С.А. Яновская — это человек, очень увлеченный наукой, преданный науке. Ее преданность науке проявлялась хотя бы в том, что она за пропаганду логики (символической в частности) много неприятностей переживала. Когда в 1946 году она была у нас инициатором издания первой книги по математической логике («Основы теоретической логики» Гильберта и Аккермана), написала вступительную статью к этой книге, где показывала большую значимость этой науки, показывала, что она представляет гораздо более высокий теоретический уровень по сравнению с тем, что было до возникновения символической

логики. После этого появилась статья (не помню, в каком из журналов) Майстерова, одного из философов, очень резко критического характера, в которой Яновскую обвинили в том, что она протаскивает идеализм, что символическая логика — порождение идеализма и схоластики, что это механистическое направление в логике, что тут мышление сводится к игре со значками, — вот в таком духе. В то время такие выступления в печати, конечно, чреватые были серьезными неприятностями. Она не избежала больших неприятностей. Но все-таки, несмотря на это, организовала с нами работу, продолжала, много сил вкладывала в то, чтобы людей было больше знающих, сведущих в вопросах современной логики. По инициативе Софьи Александровны книга Тарского была издана («Логика и методология дедуктивных наук»), она редактировала ее, вступительная статья ее, по-моему, была (хотя я это не точно помню).

Она проводила эту работу дополнительно к своей основной нагрузке, все это было для нее отнюдь не обязательно; не по поручению кафедры, а по собственной инициативе организовывала эти лекции, факультативы всякого рода — она отдавалась этому всей душой. Видно, что человек был очень увлечен самой наукой, болел душой за положение дел в нашей советской науке. Кроме того, она вообще человек очень добрый, бескорыстный совершенно, никаких уплат она не ожидала за эту большую, побочную для нее, для кафедры работу, не жалела времени для индивидуальной работы. Поскольку человек она была очень отзывчивый, добрый такой, душевный, к ней тянулись люди со всякими вопросами: и с жизненными проблемами часто обращались, и с научными, и она не жалела времени никогда: и дома принимала у себя людей, и на факультете беседовала по любым вопросам, с которыми к ней обращались. О ней впечатление как о человеке, который всего себя отдает какому-то любимому делу и готов всем принести максимальную пользу, отозваться на все запросы людей. В этом отношении это совершенно особый человек. Личная жизнь у нее не сложилась — сын у нее нетрудоспособный был в силу некоторых особенностей, по состоянию своего здоровья. Ей приходилось и ему уделять большое внимание, и заботиться о нем. Собственно, вся радость жизни ее состояла в служении науке, в той помощи, которую она людям оказывала.

Она была очень эрудированным человеком в области математики, постоянно интересовалась всем тем, что нового появляется в науке. Как только появлялись какие-то новые, крупномасштабного характера работы по логике, новые направления, она сразу откликалась на это, организовывала спецкурсы, факультативные курсы. Большую роль сыграла она в развитии релевантной логики. В 1956 году — с этого года мы считаем это новое направление, а я считаю новый этап в развитии логики — в 1956 году появилась статья Аккермана, которая положила начало развитию этой ветви, этапа в логике. А через

2—3 года С.А. Яновская уже начала читать курсы, многих заинтересовала этой проблематикой. Тогда считались очень актуальными проблемы применения логики в технике. Аппарат логики, тогда выяснилось, можно успешно применять для анализа и синтеза контактно-релейных схем, управляющих работой автоматических устройств. Во всем мире была волна исследований, направленных на разработку возможностей применения логики для анализа и синтеза контактно-релейных схем (не только контактно-релейных, потом и электронных схем). Так выяснилась связь логики с автоматизацией, с техникой.

С.А. Яновская очень много времени и этим вопросам уделяла — специальные семинары, доклады, — поощряла всякие попытки искать решение возникающих проблем, всегда очень восхищалась успехами. Как только у кого-то возникнет мысль более или менее оригинальная, она всегда сразу ее подхватывала, поощряла, помогала человеку в этом глубже разобраться и развивать идею, ставила доклады на семинары; в этом отношении она также роль очень большую сыграла в развитии науки.

Благодаря ей современная логика вошла у нас в научный обиход, заняла подобающее место, начала привлекать внимание не только математиков, но и философов: математики прежде философов поняли, что для обоснования математики большую роль играет логика. А С.А. Яновская философские аспекты все время выделяла в логике, подчеркивала значение символической логики для понимания тех или иных познавательных процедур, для анализа форм мышления, в частности процесса дедуктивных рассуждений, и т.д. Она очень много обращала внимания и на философские аспекты самой логики, и на возможность ее применения в решении философских проблем. Поэтому мы ей обязаны тем, что и на эту сторону дела, на возможную связь логики с философией начали серьезное внимание обращать.

С.А. Яновская как лектор, благодаря своей увлеченности наукой с восторгом всегда говорила о каких-то новых результатах, с восхищением подчеркивала значимость каких-то логических проблем, утверждений. Этим уже она людей как-то увлекала всегда, ну и доброжелательным отношением к своим слушателям. Если ошибалась где-то (бывает ведь это и у специалистов высокого ранга: вдруг что-то неподумавши сказал, в чем-то ошибся), — бывали и у нее подобные ошибки — она как-то критически сама к себе относилась, если возникала такая ошибка, она сама прежде всего ее вскрывала. Ну и к людям она никогда не проявляла какого-то высокомерия, снобизма по отношению к своим слушателям, всегда как равная к равному относилась. И люди чувствовали на семинарах, на лекциях себя совершенно раскованно, свободно, не боялись задать какой-то вопрос, не боялись того, что невежество свое где-то проявят, непонимание, недостаточную способность понять что-то. Очень свободная атмосфера всегда, дружественная была на ее лекциях и семинарах.

Андрей Андреевич Марков — это всеми признанный не только у нас, но и в мире авторитет в логике. Он был заведующим кафедрой математической логики на механико-математическом факультете, поощрял деятельность Яновской, и в этом отношении нам помогал (косвенным образом, по крайней мере) — развитию логики у нас на факультете. Кроме того, он читал лекции по нашей просьбе у нас на факультете — ряд лекций по разным разделам логики. Он сам был очень крупным ученым в области математической логики. Ему принадлежит разработка такого важного раздела, как теория алгоритмов. Он создал новую теорию — теорию так называемых нормальных алгоритмов, которая приобрела важное значение в логике, для понимания многих познавательных процессов оказалась полезной, и в мире признание получила большое. До того как он перешел на механико-математический факультет, он в Ленинграде работал. Там он создал школу конструктивного направления в логике. Конструктивное направление — это развитие так называемой интуиционистской логики за счет очищения от некоторых идеологических и философских, чуждых содержанию самой концепции наслоений. Его большая роль в том, что он показал, — если в интуиционизме вывести «за скобки» всякие идеологические, философские наслоения, — принципы интуиционистские, согласно которым есть интуиции, которые являются источником всей математики. Наряду с таким содержанием в интуиционистской логике есть очень важная собственно логическая сторона дела — это конструктивный подход к анализу логических процедур, конструктивное их понимание (доказательность, например), значимость логики в математике. Конструктивное направление состояло в выработке таких методов исследования в математике, которые обеспечивали бы математике максимальную точность, максимальную точность ее результатов.

Марков был очень собранный, целеустремленный педагог, методично у него все. Нужно сказать, что достоинства его иногда перерастали в некоторые недостатки. Он стремился всегда к большой точности и систематичности изложения материала, но это не всем было доступно. И поэтому часто возникали такие явления: он объявляет какой-то новый спецкурс, на этот спецкурс на первые лекции не хватает больших аудиторий, не вмещают большие аудитории пришедших слушать эти курсы, а потом от лекции к лекции количество людей уменьшается, уменьшается, и в конце концов остается человека четыре-пять, которые до конца эти курсы дослушивают. Трудно было многое понять: он стремился к максимальной глубине и точности изложения всегда, не увлекался популяризмом, не стремился популярно излагать свои взгляды, идеи. Я считаю, что он был замечательный лектор, умел систематично все расположить одно за другим; у него все строго, и в самом построении курса чувствовался сильный логик. Будучи человеком глубоко мыслящим, не всегда был другим доступен, не всегда понимали то, что он читал.

БЕСЕДЫ

С.К. Евгений Казимирович! П.В. Копнин ведь тоже занимался логикой. Приходилось ли Вам сталкиваться с ним как с логиком?

Е.В. Копнина я знал. Так уж случилось, что я учился в аспирантуре Академии общественных наук при ЦК КПСС. Там была кафедра логики и психологии. Копнин работал лаборантом и пока как-то не выделялся как теоретик: скромность, видимо, ему мешала участвовать в научной деятельности кафедры. А потом он перешел работать в Институт философии, где выявились его творческие возможности — он выступил с рядом работ, особенно по вопросам теории познания. Он и определенное логическое образование имел, это ему помогало работать во многих философских областях. Но здесь уже совместной работы у меня с ним не было, в дальнейшем я только по его работам его знал.

Человек он был мягкого характера, отзывчивый, хороший товарищ, с ним мы очень дружно в Академии общественных наук жили и работали на кафедре. Потом выяснилось, что это человек творческого типа, который успешно работать может в сложных областях науки, в таких абстрактных, как теория познания, вообще философия.

